

УДК 37.015.32
ББК 88.8

Абраменкова Вера Васильевна*, доктор психологических наук, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, заведующая лабораторией Института психолого-педагогических проблем детства Российской академии образования, профессор Московского городского психолого-педагогического университета.

Наше будущее глазами ребёнка

Болен мир болезнью чёрной: иль проказой, иль чумой.
Бродит сумраком прикрытый жуткий вой.
Не родит сегодня мать дочь, упадёт её слеза в ночь.
И земля не в силах кричать, на губах её смерти печать.
Чёрный пепел вместо дождя на лице твоём.
Так какой теперь дорогой пойдём?

*Ника Турбина, 12 лет (Ступенька вверх,
ступенька вниз... М., 1991)*

Каждый человек (а по мнению Н. Бернштейна, П. Анохина и других известных учёных, – практически все биологические организмы) обладает способностью "упреждать" будущее в процессе своей жизнедеятельности, предвидеть его в той или иной форме. Такая опережающая функция сознания в высшей степени присуща человеку, который, осуществляя выбор альтернатив поведения и принимая решения, почти всегда создаёт образ будущего, некую личностную перспективу, которая формирует его картину мира и определяет его практическое поведение. Известно, например, что в эпоху Средневековья среди европейского населения были сильны эсхатологические настроения. Особенно обречённо люди ждали "конца света" в 1000 г., что привело к резкому ослаблению экономической деятельности на огромных территориях.

В 70-е гг. прошлого века Институт Д. Гэллага попытался установить соотношение между группами американцев, настроенных оптимистически или пессимистически в отношении будущего. Оказалось, что доля оптимистов составила тогда 53 %, а 10 лет назад их было уже 64 %. Среди причин негативного взгляда на будущее большинство опрошенных назвали растущее беспокойство по поводу уровня честности среди американцев (только 22 % сочли его удовлетворительным против 63 % в 1963 г.), а также отсутствие доверия к социальным и политическим институтам США¹. Спустя 30 лет, в начале нынешнего века, аналогичное исследование было проведено уже в 50-и странах мира, и самая высокая доля

* verabram@mail.ru.

¹ Шляпентох В. Как сегодня изучают завтра. Современные методы социального прогнозирования / В. Шляпентох. М. : Сов. Россия, 1975. 264 с.

оптимистов была выявлена среди китайцев (почти 90 %), а США и Россия остались где-то в конце этого списка.

А что же дети? Каковы на рубеже тысячелетий представления о будущем этих "неисправимых оптимистов" (как писал К. Чуковский)?

В детском сознании существует особая система значений, представлений, отношений ребёнка к окружающей среде, другим людям и себе самому – это целостная картина мира, складывающаяся благодаря механизму интериоризации² в процессе взаимодействия ребёнка с предметами и его совместной деятельности со взрослыми и сверстниками³.

Л. Выготский считал, что если для З. Фрейда характер личности ребёнка коренится в его отдалённом прошлом и, став взрослым, человек оказывается как бы "прикован к своему прошлому как каторжник к тачке", то для А. Адлера сновидения – военная разведка, прощупывание, подготовка к будущему, его перспектива, которая позволяет понять развитие личности как единый процесс, направленный вперёд, к финалу. Мифологичность детского сознания продолжает жить в сознании современного взрослого и способна в той или иной степени моделировать его поведение.

Как утверждает В. Франкл⁴, "важнейшей особенностью человека является то, что он может жить, только глядя в будущее, т.е. *sub specie aeternitatis*⁵". *Присуще ли это ребёнку и с какого возраста? Что влияет на формирование его представлений о себе и какую роль в этих представлениях играет будущее? В отличие от взрослых, которые во многом живут настоящим и утверждают его, функция детства – определять главные направления будущего.*

В XIX в. прежде механическая картина мира и эпохи (т.е. мир как машина) сменилась на органическую (мир как живой организм), а в XX в. – на воображаемую, экранную (мир как кино). Видимо, в XXI в. картина мира станет виртуально-информационной.

В детской субкультуре сформирована визуальная картина мира, которая может быть представлена графически⁶. Поиск методических приёмов графической диагностики картины мира ребёнка поможет прояснить природу его отношения к миру, другим людям и к себе самому. Таким

² Понятие, означающее формирование умственных действий и внутреннего плана сознания через усвоение индивидом внешних действий с предметами и социальных форм общения.

³ Абраменкова В. В. Социальная психология детства: развитие ребёнка в детской субкультуре: учеб. пособие / В. В. Абраменкова. М.: Пер Сэ, 2008. 432 с. (Современное образование).

⁴ Франкл В. Человек в поисках смысла: сб. / В. Франкл; пер. с англ. и нем. Д. А. Леонтьева, М. П. Папуша, Е. В. Эйсмана. М.: Прогресс, 1990. С. 38.

⁵ С точки зрения вечности (лат.)

⁶ Аксенова Ю. А. Символы мироустройства в сознании детей / Ю. А. Аксенова. Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 272 с.; Аллан Дж. Ландшафт детской души. Психоаналитическое консультирование в школах и клиниках: пер. с англ. / Джон Аллан; под общ. ред. В. В. Зеленского. СПб.: Диалог; Минск: Лотаць, 1997. 256 с.; Дилео Д. Детский рисунок: Диагностика и интерпретация / Джон Дилео. М.: Апрель Пресс: Эксмо-Пресс, 2001. 272 с.; Романова Е. С., Потёмкина О. Ф. Графические методы в психологической диагностике / Е. С. Романова, О. Ф. Потёмкина. М.: Дидакт, 1992. 256 с.

методом в рамках социальной психологии детства может служить метод визуальной социопсихологии, суть которого состоит в анализе культурных символов, знаков, схем, которые дети используют в рисунках и которые являются показателями смысловых отношений субъекта к тем или иным сторонам бытия⁷.

Выражение этого отношения может быть зафиксировано в форме визуальных архетипических, социотипических и стереотипических образов, имеющих общечеловеческий метакультурный компонент⁸. В. Франкл считал, что в регуляции социального поведения человека ведущее значение имеет формирование *субъективного образа будущего*. Фиксированная точка отсчёта в будущем структурирует внутренний временной план человека, переживание им времени в пространстве жизни. Тогда *прошлое* реконструируется как реальное условие и предпосылка будущего, *настоящее* – как умение действовать, предвидя будущее события, а *будущее* – как наличие чёткой и осознанной жизненной перспективы, которая рождает определённое мироощущение⁹. Однако ребёнок живёт одновременно в двух мирах: в мире эмпирического, рационального времени и в мире сказочно-мифологического пространства-времени. Об этом свидетельствуют его рисунки, которые, разумеется, легче видеть, чем описывать.

В культуре взрослых документальным свидетельством отношения детской субкультуры к миру является рисунок ребёнка – его душа, выложенная на бумаге. Как писал В. Воронов, "язык ребёнка хоть и редко, но говорит неправду, но никогда не лжёт маленькая рука, вооружённая карандашом... От линии до линии – там всё правда, идущая из глубины творящего"¹⁰. Не менее информативными оказываются и письменные рефлексии детей – их сочинения на тему будущего и комментарии к рисункам.

Основной целью настоящего исследования было стремление объединить традиционную вербальную сферу отношений и сферу графическую в систему единых категорий, но на детском материале. Это предлагается сделать методами контент-анализа кратких детских сочинений¹¹ и паралингвистического анализа их текстов, а также рисунков детей на темы будущего¹².

Паралингвистический анализ текстов сочинений и комментариев детей к собственным рисункам – это анализ лексики, грамматических форм,

⁷ Абраменкова В. В. Социальная психология детства.

⁸ Абраменкова В. В. Дети-пророки: социогенетический анализ представлений об опасности в детской субкультуре / В. В. Абраменкова // *Magister*. 1997. № 3. С. 86–95.

⁹ Франкл В. Указ. соч.; Gardner H. *Artful Scribbles. The significance of Children's Drawings* / Howard Gardner. New York : Basic books, 1980. 280 с.

¹⁰ Воронов В. К психологии детского рисунка: Записки учителя рисования / В. Воронов // *Вестник воспитания : науч.-попул. журн.* 1910. № 5. С. 110.

¹¹ Богомолова Н. Н., Стефаненко Т. Г. Контент-анализ. Спецпрактикум по социальной психологии / Н. Н. Богомолова, Т. Г. Стефаненко. М. : Изд-во МГУ, 1992. 64 с.; Хвостова К. В. Контент-анализ в исследованиях по истории культуры / К. В. Хвостова // *Одиссей. Человек в истории. Исследования по социальной истории и истории культуры* / отв. ред. А. Я. Гуревич. М. : Наука, 1989. С. 136–147.

¹² Аллан Дж. Указ. соч.; Шляпентох В. Указ. соч.

семантики (повторов, ошибок и др. как показателей личностно-смысловых установок) и пр. Текст как феномен реальной действительности и как способ отображения психической жизни индивида с помощью языка высвечивает широкий социокультурный и временной контекст. Для совокупной характеристики этого контекста используется понятие *хронотоп* – единство пространственных и временных параметров, направленное на выражение определённого смысла. Термин этот был введён А. Ухтомским, использован М. Бахтиным и В. Вернадским, которые развивали представление об одновременно материальной и духовной реальностях в пространстве-времени бытия человека. Хронотоп культуры свидетельствует и о доминирующих в ней ценностях, и о духе. По А. Ухтомскому, хронотоп – инвариантная величина, показатель способности человека "...предчувствовать будущее в ходе текущих событий. Предуказания истории он ухватывает не логикой рассуждений, а тем непостижимым интуитивным аппаратом, который образует наблюдательность, чуткость, проницательность и прежде всего совесть – "аппарат цельного знания"¹³. Индивидуальное время (хронотоп) детерминировано личностно-смысловыми отношениями субъекта следующим образом:

– субъект интерпретирует время в соответствии со своим индивидуальным настоящим, т.е. синхронически, и одновременно помещает себя в это пространство-время (*синхрон*); тогда "Я" (субъект) является частью этого мира и будущее совпадает с индивидуальным настоящим – "со мной здесь и теперь";

– субъект относит себя за пределы текстовой реальности, текст воспринимается как символ инокультурного пространства-времени, прошедшего сквозь эпохи (*диахрон*), т.е. мир, событие имели место "до меня, там и тогда";

– субъект отображает будущее как возможный мир, который следует за настоящим (*футурхрон*); т.е. мир, событие будут иметь место позднее, "со мной или без меня, но потом и там"¹⁴.

Эти три ситуации представляют собой линейное, историческое (эмпирическое) время настоящего, прошедшего и будущего. Эмпирическому времени противоположно мифическое время первопредметов, первотворения – первоисточник архетипов и духовных сил. Главный акцент в нём ставится на переживании настоящего в его связи с будущим¹⁵. В историческом времени происходят изменения, носящие линейный характер, источник которых находится во времени мифическом. Последнее выражается в том, что субъект отображает будущее как:

– всевременное ("я везде и всегда с миром и в мире");

¹³ Ухтомский А. Заслуженный собеседник: Этика. Религия. Наука / А. Ухтомский. Рыбинск : Рыбинское подворье, 1997. С. 127.

¹⁴ Борисова С. А. Смысловое восприятие: темпоральная вариативность читательских проекций художественного текста / С. А. Борисова. Ульяновск : Изд-во Ульян. гос. ун-та, 1997. С. 78.

¹⁵ Берулава Г. А. Образ мира как мифологический символ : учеб. пособие для вузов / Г. А. Берулава ; Рос. акад. образования, Науч.-образоват. центр. М. : Пед. общество России, 2001. 45 с.; Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токорев. 2-е изд. М. : Сов. энцикл. : Останкино, 1992. Т. 2 : К–Я. 719 с.

– вневременное ("мир существует где-то вне меня, время там остановилось или его не было, или это было циклическое время, или параллельный мир");

– довременное ("время начиналось и заканчивалось где-то там, задолго до меня и без меня" – *прахрон*).

Для анализа текстовых и графических образов нами была разработана схема категорий контент-анализа субъективных (индивидуальных) представлений о будущем у детей и подростков. Были выделены следующие категории (смысловые единицы контент-анализа) как противопоставления (бинарные оппозиции):

– онтологическая (бытийная): упорядоченность – хаос, свет – тьма;

– общественно-политическая: мир, благоденствие – война, кризис, бедность;

– экологическая: обитаемое, живое – безжизненное, мёртвое; естественное, природное – искусственное, технократическое; чистое, свободное – загрязнённое, стеснённое, замусоренное; деревня, свой дом – мегаполис, городской дом;

– духовно-нравственная (аксиологическая): высшие силы, ангелы, Бог – монстры, инопланетяне, нечистая сила; нравственные ценности, развитие, совершенствование – материальные ценности, деградация;

– субъективно-личностная: идентификация человека с миром – отчуждение человека от мира; перспективность, динамика – статичность, регресс, застой; чувство безопасности, спокойствие – тревога, опасность, страх.

В эмпирическом исследовании нами были использованы детские рисунки и комментарии к ним (мини-сочинения) на темы: "Наше будущее", "Я через 10 лет", "Моя взрослая жизнь" и т.п. Рисунки и тексты, полученные из различных регионов России (Московской и Смоленской областей, Якутии) и Белоруссии, также оценивались в соответствии с выделенными параметрами, что позволяло увидеть в континууме дихотомии точку приближения к тому или другому полюсу.

Исследование проводилось с 1991 по 2003 г., однако изучение детской картины мира было начато ещё в середине 80-х гг. прошлого века. В исследованиях участвовали дети от старшего дошкольного до подросткового возрастов, а общее количество полученных рисунков превысило 1,5 тыс.

Вербальная картина мира ребёнка и его представления о будущем

Эмоциональное отношение к будущему в мини-сочинениях (текстовых аналогах рисунков) у детей **7–8 лет** проявляется слабо, поскольку пояснения к рисункам, как правило, практически не содержат прилагательных и наречий, и вообще отличаются предельной лаконичностью, ведь в этом возрасте речь ещё не настолько развита, чтобы ребёнок мог выразить своё отношение к теме развёрнутым речевым высказыванием.

В возрасте **9–10 лет** мальчики захвачены идеей перемещения в пространстве (лететь, ехать, плыть) и мечтают занять в обществе определённый статус (работать или обладать особыми возможностями, подразумевающими проявление силы и быстродействия). Это выражается в желании

работать, например, шофёром или быть "суперменом" – ловить бандитов, охотиться на монстров или инопланетян. Кстати, в инопланетянах они видят не иное общество, параллельную цивилизацию или потенциальный объект для общения, а исключительно угрозу, в отличие от того, что рисуют мальчики более раннего возраста. Социальное пространство весьма часто отражается вербально в установке на будущую профессию как возможность обладать желаемым социальным статусом. Пространство физического мира отражено в образах планеты и солнца. Личностное пространство обозначается в текстах местоимениями 1-го лица ("я", "мы" и "наша"). У девочек достаточно явно выражена ориентация на социальный мир, особенно на семью¹⁶, что также определяется местоимениями "мы" и "наше". Характерно, что девочки подчёркивают сопричастность событиям, происходящим или ожидающим всё человечество. Они охотнее включают себя, своё "Я" в картину будущего.

Пространство норм и ценностей для мальчиков данного возраста заключено в сферу неотъемлемой принадлежности объектов самому ребёнку или перспективе обладания ими, что нарочито подчёркивается употреблением слов "моё", "мой". Необходимо также отметить, что если в возрасте 6–7 лет ребёнок говорит о будущем с уверенностью (*футурхрон* – "буду полицейским") или передаёт время будущего как реальное настоящее (*синхрон* – "Солнце приблизилось"), то в возрасте 9–10 лет формулировки приобретают более осторожный характер желания ("хочу велосипед"; "хочу работать на машине" и т.п.). В этом возрасте для характеристики будущего мира ребёнок всё чаще использует мифологемы ("пусть всегда...", "останется только...", "ничего не будет"). Эти факты, вероятно, свидетельствуют о постепенном осознании ребёнком границ своих возможностей и в некоторой степени об отчуждении себя от будущего мира, а также выражают идеи обладания.

Девочки 9–10 лет пользуются такими же формулировками ("хочу", а не "буду"), тем самым, быть может, подчёркивая, что для собственного становления им необходим тот или иной период освоения онтологии мира, своих сил и способностей. В этом возрасте девочки осознают мир как часть собственной жизни и явно идентифицируют себя с ним. Они впервые начинают эмоционально оценивать окружающий мир и одновременно ощущать сопричастность к нему, выражая это в форме желательности ("жалко, что...") или сослагательности ("было бы хорошо, если бы..."). Вместе с тем доминирующим вербальным мотивом примерно для 2/3 девочек (как и в рисунках) остаётся желание быть внешне привлекательными.

Мини-сочинения к своим рисункам, сделанные мальчиками **11–13 лет**, существенно отличаются от текстов мальчиков более младшего возраста как по полноте, так и по принципу повествования. Хотя их стиль ещё не отличается от стиля 6–7-летних ("я в космосе"), но одновременно эти комментарии содержат и развёрнутое описание всех сфер жизни человечества, как у 9–10-летних ("люди будут жить..." и т.д.). Почти во всех пояснениях к рисункам присутствует тема космоса

¹⁶ Bryant J., Bryant A. Television and the American family / Jennings Bryant (ed.), J. Alison Bryant. Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum Associates. 1990. 468 p.

и жизни на других планетах. Все проблемы и опасности мира описываются с точки зрения естественного течения событий, зависящих непосредственно от жизнедеятельности человека. Соответственно, пространство норм и ценностей, а также пространство личностного отношения сосредоточено у детей данного возраста вокруг естественного мира живой природы, чью целостность и первозданность каждый должен оберегать ("люди должны охранять природу"). Поэтому сопричастность миру однозначно выражена во всевременном хронотопе – "я вместе с миром всегда". Эмоциональную окраску придают текстам слова "любые", "многие", "скоро", "только хорошие", "светлое", "ярче", "прекрасные", "победили всех", "взрывы", "страшные" и др. При этом смещение характеристик в негативное поле влечёт за собой и ослабление чувства идентичности: чем хуже мир будущего, который ребёнок себе представляет, тем меньше он стремится там присутствовать.

В описаниях, которыми поясняли свои рисунки девочки 9–10 лет, впервые появляется динамическая характеристика, свойственная только мальчикам более младшего возраста (физическая и социальная сферы будущего акцентированы у них на высоких домах и длинных улицах городов, по которым движутся потоки воздушных машин, "летающих тарелок", скейтбордов и роликов, которые освоили даже животные). Социальная сфера подчёркнуто разнообразна и принципиально обновлена до парадоксальности: например, "в школе взрослых обучают дети", а "в аптеках продают обычные продукты". Эти "перевёртыши" свидетельствуют о том, что девочки в этом возрасте усиленно осваивают разнообразие мира и социальных отношений. Особенно следует обратить внимание на описываемые ими летающие объекты всевозможного назначения: от хозяйственных (орошение полей с помощью облаков) до персональных (скейтборды). Сама идея чего-то летающего не является для этого возраста чем-то новым (она появляется у девочек ещё в возрасте 7–8 лет), однако высокая частота встречаемости именно образа "летающей тарелки" как полусферы или полукруга отражает тенденцию отделения некой части от первоначального целого, её вычленения и оформления, а в терминах отношения к миру и личностной сферы – тенденцию поиска своего назначения, самовыражение и начало строительства личности. В принципе похожее значение имеет и форма скейтборда, который дети в своих рисунках изображают в виде овала (яйца) – мифопоэтического символа потенциальных возможностей, творческой силы, начала и конца развития¹⁷. В середине 80-х – начале 90-х гг. у девочек этого возраста в текстовых комментариях к рисункам о будущем наряду с ценностью природы стал появляться образ семьи, смысл которой для них целиком и полностью социален: муж, дети, свой дом и достаток.

Соотношение графической и вербальной картин будущего мира

Для детей исследованных возрастных групп формы выражения будущего в графической и вербальной сферах существенно различаются.

¹⁷ См.: Мифы народов мира.

Графическая модель более открыта и разнообразна, в то время как вербальная не только много беднее, но порой находится в диссонансе с первой (достаточно вспомнить изображение города будущего с треугольными домами и подписью "Я буду грабить банк").

У мальчиков 9–10 лет отмечается расхождение показателей эмоционального отношения: если в рисунках оно достаточно различимо из-за прорисовки тех или иных объектов и их цветовой гаммы, то в текстовых аналогах эмоциональная нагрузка минимальна. С возрастом несоответствие между рисунком и его текстовым аналогом увеличивается ещё больше. Наибольшее расхождение наблюдается в рисунках и развёрнутых подписях к ним у детей 11–13 лет – в них достаточно трудно оценить акцентирование пространств мира (физического, социального, личностного). У мальчиков это расхождение выражено особенно ярко. В связи с этим можно сделать вывод, что речь идёт не только о несопадении картин и представлений о будущем в графической и вербальной сферах, но и, как следствие, о наличии у детей противоречивых и разнонаправленных отношений к миру. Некоторый баланс сохраняется у девочек, чья картина мира в среднем более устойчива и однородна по возрастным группам, чем у мальчиков, которыми владеют амбивалентные тенденции (в 10 лет освоение пространства Вселенной "перебивается" вещным отношением к миру – потребностью приобретения личных благ).

Идея освоения мира как бескорыстного познания противоречит идее личного обладания и материальных приобретений. В ребёнке сосуществуют рационалистическая и мифологическая картины мира. Аксиологическая категория в представлениях о будущем (пространство норм и ценностей) описывается в рисунках с помощью модальности "безопасность – опасность", восходящей к более обобщённой категории "добро – зло". Традиционно наивысшей ценностью человек считает жизнь, поэтому все нормы и ценностные установки вращаются вокруг сохранения жизни или её адекватного переустройства. И детские рисунки отражают ощущения опасности экологических катастроф или войн. В последние три десятилетия тема смерти в них появляется всё чаще и весьма настойчиво: она присутствует в изображениях скелетов людей, животных, рыб, трупов и мёртвых деревьев, безжизненных пространств Земли или космоса. Это свидетельствует о явной *танатизации* сознания современного человека.

Ценность смерти у детей соперничает с ценностью жизни: с одной стороны, "люди будут жить всегда", а с другой – "всё превратится в пыль, жизнь на Земле исчезнет". В младшем школьном возрасте ребёнок изображает смерть как нечто внешнее, чего он стремится всеми силами избежать ("я на улице", "меня здесь нет" и пр.). Иногда в рисунках и текстах присутствуют виктимные установки (ребёнок изображает себя слишком маленьким, пассивным, обречённым). Дети более старшего возраста, особенно мальчики, выражают свою активную позицию защиты/нападения и агрессию, направленную вовне, и прежде всего в сторону мира взрослых, рисуя оружие. Это – образ начального времени и конечных времён, образ гибели мира, отражённый в различных эсхатологических мифах: последняя битва Добра со Злом, мировые катастрофы (потопы, пожары, землетрясения и пр.).

О том, как ребёнок представляет себе личностное пространство, необходимое для определения своего места в мире в контексте будущего, можно судить по прорисовке образа человека и того, что составляет фон изображения: естественная или рукотворная природа, другие люди или животные, перспектива (статичность или динамичность картины), фактор реальности или фантастичности мира (т.е. насколько изображённая картина в принципе соответствует естественным возможностям человека). Важно, видит ли себя ребёнок в пространстве будущего и куда он себя помещает, от чьего лица ведёт повествование и в какой степени отождествляет себя с изображаемым. Девочки все сферы жизни подают преимущественно в положительном или нейтральном ключе. Однако в том, что касается сферы субъективного восприятия, картина иная: больше половины не идентифицируют себя с отобразённым сюжетом, исключают из рисунков образ человека либо не акцентируют на нём внимания, давая лишь схематичный набросок или рисуя себя пренебрежимо маленькими.

Примерно две трети рисунков, выполненных девочками, изображают структуру будущего скорее статичной, с отсутствием перспективы. Иначе говоря, будущее они воспринимают вне связи с настоящим и прошлым, как нечто, внезапно возникающее ниоткуда (вневременной хронотоп). В пользу этого предположения свидетельствует тенденция акцентировать онтологическое противопоставление "упорядоченность – хаос" ("пусть всегда будет..."), изображая море, солнце, небо, линию горизонта.

Переломным для представлений школьников о будущем является возраст 10 лет (о чём мы уже упоминали), когда образ "Я" в различных сферах жизни начинает дифференцироваться. В рисунках детей появляется фон, который свидетельствует о том, что они начинают отделять себя от мира и даже противопоставлять себя ему. Цвет, динамика форм, композиция рисунка и другие характеристики определяются индивидуальными склонностями ребёнка, общей социальной ситуацией и темой рисунка¹⁸. Основные цвета у младших школьников – синий, зелёный и чёрный (для мальчиков); синий, коричневый и зелёный (для девочек), а в предподростковом возрасте – синий и чёрный (у мальчиков); жёлтый, синий, зелёный и красный (у девочек). В начале подросткового периода мальчики, как правило, выбирают синий, красный и зелёный, а девочки – синий, зелёный, жёлтый и красный. В используемой детьми цветовой гамме преобладают тёмные тона (например, синий и чёрный, характерный для асоциальных и антисоциальных молодёжных субкультур, в которых тема смерти в контексте темы будущего рельефно обозначена¹⁹). "Будущего нет" – одна из главных деклараций, например, панков, готов и пр. Как отмечается в некоторых исследованиях, именно отсутствие в молодёжном сознании образа будущего приводит к тому, что отвергаются ценности здоровья, благополучия, жизни вообще во всех её

¹⁸ Миронова Л. Н. Учение о цвете / Л. Н. Миронова. Минск : Вышэйш. шк., 1993. 464 с.; Проблема цвета в психологии : [сб.] / Рос. АН, Ин-т психологии ; [отв. ред. А. А. Митькин, Н. Н. Корж]. М. : Наука, 1993. 204 с.; Романова Е. С., Потемкина О. Ф. Указ. соч.; Хвостова К. В. Указ. соч.

¹⁹ Абраменкова В. В. Подростковая субкультура как пространство самореализации // Мир психологии: Науч.-метод. журн. 2008. № 1. С. 175–189.

позитивных проявлениях. А это означает снятие внутренней цензуры сознания, всех запретов и табу. В результате человек превращается в клубок агрессивных и сексуально-извращённых желаний, реализуемых сначала в виде фантазий, а затем в реальности²⁰.

Анализ содержания и индивидуализация образов будущего у детей

Остановимся на таких параметрах рисунков, выполненных детьми в конце XX в., как особенности композиции, использование пространства, изображение героев, творящих будущее, орудий творения будущего и пр.

1. Образ будущего у рисующего ребёнка формируется на основе опыта, событий прошлого и переживаний настоящего или отражает мифологическое время, ощущение себя в мире вне времени. Будущее как рождение заново, как переживание блаженного состояния младенчества представлено, например, в рисунке девочки, которая изобразила себя лежащей в люльке на даче, рядом – бабушку и родителей. Возврат в прошлое усматривается в рисунках достаточно часто: так в самом конце XX в., подразумевая будущее, мальчик нарисовал бомбу с надписью "СССР". Абстрактные рисунки с геометрическими символами, различными линиями и фигурами указывают на такую составляющую хронотипа, как мифическое будущее с его аспектами: вневременное, надвременное, всевременное.

2. Местом существования будущего в детских рисунках чаще всего являются улица, парк, дом, лес и пр. Значительно реже – это атмосфера Земли или космическое пространство. В представлениях детей как бы сталкиваются научные и мифологические знания о мире (например, изображение "края Земли", символика "света в конце туннеля" – космической бездны и др.).

3. Героями, творцами будущего в рисунках являются Бог, созидающий и карающий (например, рисунок, изображающий момент Божьей кары: "Все люди, которые вершили зло в своей жизни, все сторят и попадут на Божий суд...") или сам автор, занимающий предельно активную позицию ("...у меня под контролем благополучие Земли...", "я путешествую по мирам" и пр.), а также другие персонажи. При этом люди как позитивная и одновременно негативная сила – создатели "энергетического шара" и губящие природу загрязнениями и атомными взрывами – оказываются несостоятельными и заменяются "монстриками"-спасателями либо фантастическими собаками, превратившими людей в рабов.

4. В качестве орудий творения будущего чаще всего запечатлены транспортные средства, летающие машины, роботы и другие механизмы и устройства – от скейтборда до кораблика, от самолёта до "летающей тарелки". Техника как главное достижение прогресса выражает стремление ребёнка контролировать ход событий, перемещаясь во времени и

²⁰ Розин М. В., Мазурова А. И. Контркультура в городе – сценарий панков / М. В. Розин, А. И. Мазурова // Мир психологии. 1995. № 4. С. 34–39.

пространстве (высокоскоростные машины и "летающие тарелки", ракеты, самолёты, шарообразные вертолёты в наземном, подземном, внеземном, околоземном и подводном мирах). Используя эти образы, дети подчёркивают своё стремление стать равными взрослым, обрести новые возможности или даже поменяться с ними местами и статусами.

5. Что касается жанровых особенностей рисунков, то это преимущественно пейзажи: индустриальный, морской, городской, лесной/парковый (в них часто присутствуют животные; вообще животные присутствуют в рисунках значительно чаще, чем люди) и лишь иногда интерьеры. Животные домашние и дикие обладают собственной символикой: кошка, во многих культурах почитаемая как священное животное, в русской традиции ассоциируется с образом души, дома, уюта и тепла; собака – с дружбой, преданностью и защитой. Медведь (сильный зверь, "хозяин"), лиса (неуязвимая и изворотливая) и заяц (простой, маленький и в этом смысле – детский) присутствуют в рисунках в подчёркнутой изоляции от домашних животных, но также не агрессивны. Птицы – небесные вестники, выющие гнёзда (микромодель мира), служат символом неподконтрольной человеку природы, своеобразным признаком свободы (наиболее характерны для детского рисунка голубь и чайка).

6. Рисунки на тему "Наше будущее" и их художественный язык заметно отличаются от изобразительного языка рисунков тех же детей, но на другие темы – от натюрмортов, портретов, пейзажей и пр. Колорит первых гораздо сдержаннее: в них мало ярких и звонких тонов, и используются они, как правило, в контрастных сочетаниях: красный – зелёный, красный – чёрный. Поиски сложного цвета отходят на второй план; выдержанных в определённой гамме работ немного, а в тёплой – меньшинство.

Подводя общие итоги изучения субъективного образа будущего у детей конца 80-х – 90-х гг. и начала нынешнего века, необходимо подчеркнуть, что в этот период в рисунках более половины детей постепенно, но настойчиво нарастали тревога, внутреннее беспокойство и явный страх. Об этом говорят:

- немногочисленность одушевлённых образов (людей, животных);
- повышенный схематизм, геометризация форм (обилие квадратов, треугольников, крестов, решёток);
- деформация предметов в сочетании с диспропорциями, не связанными с упрощённой вследствие возраста техникой рисования (неоправданно маленькие человеческие фигуры на странном фоне) и пр.;
- излишний символизм изображения: "загадочные" фигуры и композиции (полузавешанное окно, "край света"), а также чистая "цветоформа", вычурные предметы;
- агрессивная тематика (угрожающего вида фантастические животные, летающие чёрные пантеры, резко контрастные цвета);
- алогичные формы (солнце в виде шляпы, дом без крыши и пр.);
- неоправданное обилие "лишних" линий, пятен, узоров и пр.;
- использование либо ахроматических (грязно-серых) цветов, либо слишком ярких, кричащих;

- отсутствие цвета вообще (монохромные композиции – как правило, серые, чёрные);
- эсхатологические сюжеты "конца света", вселенской катастрофы и пр.

Значительная часть этих признаков в рисунках детей и подростков конца XX в. свидетельствует не только о сдвиге субъективных (индивидуальных) представлений о будущем, но и об определённом смещении отношения ребёнка к миру в сторону духовно-эмоционального неблагополучия и болезненных состояний²¹, т.е. о деформации самой детской картины мира.

*   *
*   *

Содержательные характеристики детской картины мира, выстроенные в виде полюсности, опосредованы цельностью детского мировосприятия: единством объективного и субъективного, реального и идеального, естественного и сверхъестественного, желаемого и действительного. Здесь научная картина будущего мира уживается с житейской, мифологическая – с рационалистической. Хронотоп как ценностное единство пространства-времени выступает в переплетении линейного исторического времени с мифическим.

По мысли Ю. Лотмана, "мир детского сознания – по преимуществу мифологического – не исчезает и не должен исчезнуть в ментальной структуре взрослого человека, а продолжает функционировать как генератор ассоциаций и один из актуальных моделирующих механизмов, игнорируя которые, невозможно понять поведение взрослого человека"²².

Детское изобразительное творчество стало одним из открытий, которые принёс XX в. в сферу искусства. Детские рисунки начала века, сохранившиеся в Государственном историческом музее²³, и детские рисунки 80-х гг. прошлого века через детское восприятие сохраняют для нас основные черты и образы утекающего времени (рис. 1, 2, 3).

В конце XX – начале XXI вв. мир вновь потрясают тревожные события, очевидцами которых становятся дети. Но не только очевидцами, но и судьями, и своеобразными провозвестниками нашей сложной эпохи.

Насколько же объективна и достоверна детская картина мира?

В марте 1986 г., за 3 месяца до чернобыльской аварии, т.е. когда ещё ничто не предвещало трагедии с "мирным атомом", дети рисовали незнакомую им атомную электростанцию, изображая взрывы, пожары и

²¹ *Артемьева Е. Ю.* Психология субъективной психосемантики / Е. Ю. Артемьева. М. : Изд-во МГУ, 1980. 128 с.; *Болдырева С. А.* Рисунки детей дошкольного возраста, больных шизофренией / С. А. Болдырева. М. : Наука, 1974. 110 с.; *Дилео Д.* Указ. соч.; *Романова Е. С., Потемкина О. Ф.* Указ. соч.

²² *Лотман Ю. М.* Феномен субкультуры / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам. Тарту, 1978. Вып. 10 : Семиотика культуры. (Учёные записки Тартуского унта, вып. 463). С. 8; *Богомолова Н. Н., Стефаненко Т. Г.* Указ. соч.

²³ *Гончарова Н. Н.* Москва, 1917 год: Рисунки детей – очевидцев событий : Из коллекции Государственного исторического музея : Альбом / сост., авт. текста Н. Н. Гончарова. М. : Искусство, 1987. 251 с.

Рис. 1. Детские рисунки 1917 г. ("документ эпохи"). Гончарова Н. Н. Москва. 1917 год. Рисунки детей-очевидцев событий : Альбом. М. : Советская Россия, 1987; Мир глазами детей. Советские дети о Родине и о себе (стихи и рисунки). М. : Рус. яз., 1985

Рис. 2. Детские рисунки начала 80-х гг. XX в. (дети Страны Советов).
Из архива автора

Рис. 3. Детские рисунки середины 90-х гг. XX в. (дети перестройки).
Из архива автора

бесплотные фигурки людей, Вы скажете – случайность? Но в данном случае эти рисунки оказались пророческими²⁴.

Возникает вопрос об исторических изменениях воздействия визуальных образов, в частности графических его компонентов, на психическое состояние человека в социогенезе и онтогенезе. Каковы отличия современной эстетики от архаичного искусства, искусства эпохи Возрождения или реалистического искусства Нового времени? Почему рисунки современных детей в массе своей дисгармоничны, полны алогичных форм, неуравновешенных композиций с обилием неоправданно странных линий, пятен. Почему в них часто используются грязные ахроматические либо ярко-кричащие цвета?

Один из основоположников эстетического направления в искусстве XX в., идеолог абстракционизма В. Кандинский, относя воздействие цвета и формы к сфере духовного в искусстве, писал о том, что "различие душевного лада разных эпох хочет различного их применения, т.е. ритм просит нынче аритма, симметрия – асимметрии. И спустя время окажется, что дисгармония и есть гармония нашей эпохи, наш аритм - есть ритм, наша асимметрия – симметрия"²⁵.

Можно ли отнести эти слова и к детскому рисунку, где нормой до сего времени считаются уравновешенность, гармоничность, чёткие линии и спокойные тёплые тона, где "в каждом рисунке солнце"?²⁶ Как мы могли убедиться, сегодня, на рубеже тысячелетий, в детских рисунках и сочинениях открывается драматическая и даже в чём-то эсхатологическая картина современного мира.

Можно сказать, что именно в детском сознании "эпоха, как бы помимо собственной воли "проговаривается" о самой себе, о своих секретах... На этом уровне удаётся расслышать такое, *о чём нельзя узнать на уровне сознательных высказываний* [Выд. авт.]"²⁷. Об этом свидетельствует расхождение вербальных и графических образов в картине мира современного ребёнка. Картина мира, представленная в его творчестве, отражает систему отношений ребёнка (к окружающей среде, взрослым и сверстникам, к себе самому) посредством освоения первичных символов, знаков, универсальных форм бытия (характерных, кстати, для большинства культур мира). Визуальная модель будущего при этом выступает не

²⁴ *Абраменкова В. В.* Дети-пророки...

²⁵ *Кандинский В.* О духовном в искусстве (из архива русского авангарда) / В. Кандинский. Репр. воспр. текста изд. 1914 г. Л. : Фонд "Ленинградская галерея", 1990. С. 75. Место вып. ориг. изд. и изд-во: СПб.

²⁶ *Воронов В.* К психологии детского рисунка: Записки учителя рисования / В. Воронов // Вестник воспитания : науч.-попул. журн. 1910. № 5. С. 95–112; *Гончарова Н. Н.* Указ. соч.; Мир глазами детей. Советские дети о Родине и о себе. Рисунки, рассказы, стихи и шутки : Кн. для чтения с коммент. на яз. дари / [сост., авт. слов С. И. Тимина ; пер. Карими Али Ахмат]. М. : Рус. яз., 1988. 288 с.; *Мухина В. С.* Изобразительная деятельность ребёнка как форма усвоения социального опыта / В. С. Мухина. М. : Педагогика, 1981. 240 с.

²⁷ *Гуревич А. Я.* Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии / А. Я. Гуревич // Одиссей. Человек в истории. Исследования по социальной истории и истории культуры / отв. ред. А. Я. Гуревич. М. : Наука, 1989. С. 115.

как пассивное отражение, а как активно-конструирующий процесс построения ребёнком перспектив развития мира и себя самого.

Как отмечают социологи, для детей характерно стремление к переменам, способность идти "необщими путями", острое восприятие недостатков общественного устройства и высокая степень экологического мироощущения. М. Мид в 60–70-е гг. XX в. писала: "Теперь мы вступаем в период, новый для истории, когда молодёжь с ее префигуративным схватыванием ещё неизвестного будущего наделяется новыми правами... Дети сегодня стоят перед лицом будущего, которое настолько неизвестно, что им нельзя управлять так, как мы это пытаемся делать сегодня..."²⁸ Детям доступны сокровенные тайны будущего века, поскольку они рассматривают его, находясь как бы *вне* событий, *над* настоящим. Может быть, они даже способны передать нам в своей картине мира отстранённый взгляд на грядущее – некое особое *знание до знания*.

Ключевые слова: *социальная психология детства – детская картина мира – графический контент-анализ – вербальный контент-анализ.*

Keywords: *social psychology of childhood – child's picture of the world – graphic content analysis – verbal content analysis.*

---

²⁸ Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения / М. Мид ; пер. с англ. и коммент. Ю. А. Асеева ; сост. и послесл. И. С. Кона. М. : Наука, 1984. С. 332.